

УДК 343.621

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 156
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

А.Н. РУСАК

(Барановичский государственный университет)

Представлен формально-юридический анализ признаков состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконное производство аборта. Установлено, что уголовно-правовой запрет на незаконное производство аборта не является новеллой для отечественного уголовного законодательства и прошел длительный путь становления и развития, претерпев значительные изменения. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что изменения, внесенные Законом № 241-З и трансформировавшие подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности на основании субъекта преступления, противоречат принципу справедливости. Основываясь на опыте предшествующего правоприменения и учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборта, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборта, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья».

Ключевые слова: преступление; беременная женщина; аборт; лицо, получившее высшее образование по профилю образования «Здравоохранение»; тяжкие телесные повреждения; смерть.

Законом Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июля 1993 года № 2435-ХП (далее – Закон № 2435-ХП) женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве (ст. 27). Данная норма является правовой основой легализации аборт на территории Республики Беларусь. Учитывая высокую вероятность осложнений (бесплодие, развитие хронических воспалительных заболеваний органов малого таза, гормонально-зависимых пролиферативных процессов и др.), основания и условия проведения искусственного прерывания беременности строго регламентированы на законодательном уровне, обеспечивая тем самым его максимально возможную безопасность. Несоблюдение законодательных предписаний в разы повышает опасность данного медицинского вмешательства для жизни и здоровья беременной женщины.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее – УК 1999 года) содержит статью 156, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконное производство аборта. Указанный уголовно-правовой запрет не является новеллой для отечественного уголовного законодательства и имеет многовековую историю, о чем свидетельствует анализ нормативных источников досоветского белорусского права. Так, в разделе XI Статута Великого Княжества Литовского 1588 года содержался артикул 60 «О наказании таких распутных женщин, которые бы погубили своих детей или чужих» следующего содержания: «<...> если бы какая женщина, не будучи в супружестве и ведя непорядочный и распутный образ жизни, забеременела, а потом из-за стыда или боязни наказания лишилась того плода и его умертвила сама или при помощи кого другого, и на самом том преступлении была бы поймана сама или вместе с тем, кто это будет делать, или были бы избличены какими-либо достоверными, точными, значительными и явными доказательствами, таковые, как тот, кто подрядился это сделать и плод погубить, так и та, которая плод свой на пагубу дала, должны быть сами наказаны смертью» [1]. Заслуживает внимания детальная и обоснованная дифференциация уголовной ответственности за «изгнание плода» в статьях 1461–1463 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в зависимости от согласия женщины («умышленно без ведома и согласия женщины» либо «умышленно с ведома и согласия женщины»), от возможных последствий (в случае наступления вреда ее здоровью или смерти) и от субъекта (была ли это сама женщина, избличены ли в совершении данного деяния акушер, врач, повивальная бабка или аптекарь либо лицо, которое уже и прежде было виновно в совершении такого преступления). Аналогичные по содержанию нормы были и в Уголовном уложении 1903 года. Отличие состояло в отказе законодателя от таких квалифицирующих признаков «умерщвления плода», как причинение вреда здоровью женщины или наступление ее смерти; совершение деяния акушером, аптекарем или лицом, ранее уже совершившим такое деяние [1].

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 года (далее – УК 1922 года) был принципиально изменен подход к оценке аборта – уголовная ответственность устанавливалась не за производство соответствующего вмешательства как такового, а за несоблюдение декретированного порядка его осуществления. Помимо того, была отменена присутствовавшая в отечественном уголовном законе на протяже-

нии веков уголовная ответственность за самоаборт. Часть первая статьи 146 УК 1922 года устанавливала уголовную ответственность за «совершение с согласия матери изгнания плода или искусственного прерыва беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях», часть вторая в качестве квалифицирующих признаков предусматривала совершение указанных действий в виде промысла; без согласия матери; повлекших смерть матери.

На момент вступления в силу Уголовного кодекса БССР 1928 года (далее – УК БССР 1928 года) содержащаяся в нем статья 217 практически зеркально отражала статью 146 УК 1922 года. В силу сложившейся негативной демографической ситуации постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях законодательства о разводах» производство аборт на территории СССР было запрещено под угрозой уголовной ответственности (исключение: наличие угрозы жизни или здоровью самой беременной женщины или передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей). На основании указанного акта статья 217 УК БССР 1928 года была изложена в новой редакции и устанавливала ответственность за производство аборт вне больниц или в больнице, но с нарушением установленных условий. Квалифицирующими признаками являлись: производство аборт в антисанитарной обстановке или лицами, не имеющими специального медицинского образования. Кроме того, УК БССР 1928 года был дополнен статьей 217¹, карающей за понуждение женщины к производству аборт, и статьей 217², которая устанавливала ответственность непосредственно самой беременной женщины за производство аборт в нарушение закона. Преступлением признавался также аборт, который беременная произвела сама себе. Таким образом, законодатель значительно расширил границы уголовно-правового воздействия в репродуктивной сфере. Практика применения указанных уголовно-правовых запретов привела к массовым криминальным абортам, что в разы повысило уровень материнской смертности, возросло число детоубийств. Стала очевидной необходимость очередной трансформации норм уголовного закона. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 30 сентября 1954 года уголовная ответственность беременных женщин за производство аборт была отменена, а статья 217² исключена из УК БССР 1928 года [1].

Вступивший в законную силу Уголовный кодекс БССР 1960 года (далее – УК БССР 1960 года) впервые на законодательном уровне закрепил специальный термин для уголовно наказуемых разновидностей данного деяния: «незаконное производство аборт» (ст. 114). Содержание диспозиции части 1 статьи 114 УК БССР 1960 года свидетельствует, что врач подлежал уголовной ответственности за производство аборт с нарушением предъявляемых к данной операции требований, а лицо, не имеющее высшего медицинского образования, – в любых случаях совершения обозначенного деяния. В качестве квалифицирующих признаков устанавливались неоднократность, причинение смерти потерпевшей, иные тяжкие последствия (например, бесплодие). Новеллой УК БССР 1960 года была отдельная регламентация ответственности за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее прерывание беременности (ст. 106). Впервые в истории отечественного уголовного законодательства указанное последствие рассматривалось в качестве критерия тяжких телесных повреждений, посредством чего была усилена уголовно-правовая репрессия за производство аборт без согласия беременной женщины.

Основываясь на опыте предшествующего правоприменения УК 1999 года, незаконное производство аборт выделяет в качестве самостоятельного состава преступления, признаки и ответственность за который устанавливаются статьей 156. В первоначальной редакции часть первая указанной статьи определяла незаконное производство аборт как «незаконное производство аборт врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля»; часть вторая предусматривала повышенную уголовную ответственность в случаях производства аборт лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля; часть третья в качестве квалифицирующих признаков закрепляла общественно опасные последствия в виде смерти женщины либо причинения тяжкого телесного повреждения. Преступления, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 156 УК 1999 года относились к числу преступлений, не представляющих большой общественной опасности, а частью предусмотренные частью 3 – к числу менее тяжких. Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 года № 227-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» [2] санкция преступления, признаки которого были закреплены в части второй статьи 156 УК 1999 года, была подвергнута корректировке. Законодатель произвел замену наказания в виде штрафа – арестом, отказался от наказания в виде лишения свободы. Указанная трансформация была предпринята с целью смягчения уголовной ответственности за данное преступление. Однако учитывая возможность применения отсрочки исполнения назначенного наказания (ст. 77 УК 1999 года) или осуждения с условным неприменением наказания (ст. 78 УК 1999 года) лишь при назначении лишения свободы, можно констатировать, что указанные изменения ухудшили положение обвиняемого, сузив диапазон судейского усмотрения.

Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 года № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – Закон № 241-З) [3] были внесены существенные изменения, которые затронули не только содержание санкций, предусмотренных статьей 156 УК 1999 года, но и признаки данного состава преступления.

Дифференцировав в первоначальной редакции частей 1 и 2 статьи 156 УК 1999 года уголовную ответственность в зависимости от субъекта преступления, законодатель исходил из того, что незаконный аборт, произведенный врачом акушером-гинекологом, менее опасен для жизни и здоровья женщины, нежели произведенный лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Безусловно, лицо, не имеющее высшего медицинского образования по направлению специальности «Акушерство и гинекология», не может в полной мере осознавать опасность противопоказаний к искусственному прерыванию беременности, не владеет необходимыми знаниями для его производства, что в разы повышает вероятность неблагоприятного исхода такого вмешательства. Этим и детерминировалась повышенная общественная опасность незаконного аборта, производимого лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

На основании Закона № 241-З законодателем был изменен подход к определению субъекта рассматриваемого преступления. Новая редакция диспозиции части 1 статьи 156 УК 1999 года в качестве субъекта преступления называет «лицо, имеющее высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», а часть 2 – «лицо, не имеющее высшего образования по профилю образования «Здравоохранение». В соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации», утвержденным постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 2 июня 2009 года № 36, имеющими высшее образование по профилю образования «Здравоохранение» являются лица, получившие высшее образование по следующим специальностям (специализациям): 1-79 01 01 «Лечебное дело»; 1-79 01 01 01 «Военно-медицинское дело»; 1-79 01 02 «Педиатрия»; 1-79 01 03 «Медико-профилактическое дело»; 1-79 01 04 «Медико-диагностическое дело»; 1-79 01 05 «Медико-психологическое дело»; 1-79 01 06 «Сестринское дело»; 1-79 01 07 «Стоматология»; 1-79 01 07 01 «Военная стоматология»; 1-79 01 08 «Фармация»; 1-80 02 01 «Медико-биологическое дело»; 1-80 02 01 01 «Цитология»; 1-80 02 01 02 «Биохимия»; 1-80 02 01 03 «Иммунология»; 1-80 02 01 04 «Гематология». При этом квалификация «Врач» присваивается только лицам, получившим высшее образование по специальностям (специализациям) 1-79 01 01 «Лечебное дело»; 1-79 01 01 01 «Военно-медицинское дело»; 1-79 01 02 «Педиатрия»; 1-79 01 03 «Медико-профилактическое дело»; 1-79 01 04 «Медико-диагностическое дело»; 1-79 01 05 «Медико-психологическое дело»; 1-79 01 07 «Стоматология»; 1-79 01 07 01 «Военная стоматология». Тем же, кто получил высшее образование по специальности (специализации) 1-79 01 06 «Сестринское дело», присваивается квалификация «Медицинская сестра с высшим образованием»; 1-79 01 08 «Фармация» – «Провизор»; 1-80 02 01 «Медико-биологическое дело»; 1-80 02 01 01 «Цитология»; 1-80 02 01 02 «Биохимия»; 1-80 02 01 03 «Иммунология»; 1-80 02 01 04 «Гематология» – «Биолог-аналитик. Преподаватель биологии» [4].

Догматический анализ изменений, внесенных Законом № 241-З, свидетельствует о том, что, не затронув объема криминализации, они отражают изменившуюся законодательную оценку характера и степени общественной опасности незаконного производства аборта отдельными категориями лиц. Законодатель сужает сферу уголовно-правового воздействия по части 2 статьи 156 УК 1999 года путем расширения субъектного состава по части первой. Представляется, что данные изменения не вполне обоснованы. Очевидно, что лицо, получившее высшее образование, например, по специальности (специализации) 1-80 02 01 02 «Биохимия», не имеет достаточного уровня компетентности для производства искусственного прерывания беременности, равно как и получивший высшее образование по специальности 1-74 03 02 09 «Ветеринарная биохимия» и др. Представляется, что основания для признания производства незаконного аборта в первом случае менее опасным для жизни и здоровья женщины, нежели во втором, – отсутствуют. По нашему мнению, существовавший до недавнего времени подход законодателя к вопросу о дифференциации уголовной ответственности в части 1 и части 2 статьи 156 УК 1999 года в большей мере соответствовал принципу справедливости.

Несмотря на стабильность законодательства относительно установления иных криминообразующих признаков незаконного производства аборта, на практике возникают сложности при юридической оценке отдельных из них. Объектом анализируемого преступления выступают общественные отношения в сфере охраны жизни и здоровья беременной женщины, что обусловлено размещением статьи 156 в системе уголовно-правовых запретов, объединенных в главу 19 «Преступления против жизни и здоровья» УК 1999 года. Представляется, что авторы, выделяющие в качестве объекта рассматриваемого преступления лишь здоровье женщины [5, с. 316], не учитывают, что в качестве альтернативного последствия как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 3 статьи 156 УК 1999 года,

называется смерть женщины. Потерпевшей может быть только женщина, находящаяся в состоянии беременности. Срок беременности не влияет на квалификацию содеянного, но должен учитываться при назначении наказания, так как чем больше срок беременности, тем выше опасность аборта для жизни и здоровья женщины. Для заключения о наличии в содеянном признаков объективной стороны состава незаконного производства аборта необходимо установить, что искусственное прерывание беременности было произведено незаконно. Указанное свидетельствует о бланкетности диспозиции части 1 статьи 156 УК 1999 года и предполагает установление порядка проведения искусственного прерывания беременности в соответствии с требованиями отраслевого законодательства.

В соответствии с Законом № 2435-ХІІ искусственное прерывание беременности сроком не более 12 недель может быть проведено по желанию женщины в организациях здравоохранения после обязательной предварительной консультации с врачом-специалистом и проведения предабортного психологического консультирования женщины. В случае если беременная женщина является несовершеннолетней, дополнительно необходимо получить письменное согласие на данное медицинское вмешательство ее законного представителя. При сроке беременности более 12 недель искусственное прерывание беременности возможно по согласию женщины лишь при наличии медицинских либо социальных показаний и только в государственных организациях здравоохранения. Беременность сроком не более 22 недель может быть прервана по согласию женщины при наличии социальных показаний [6]. Перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности включает два основания: а) наличие решения суда о лишении родительских прав; б) беременность, наступившая в результате изнасилования [7]. До недавнего времени в указанный перечень, помимо двух вышеназванных оснований, входили: факт пребывания женщины или ее мужа в местах лишения свободы; наличие инвалидности I, II группы у мужа; наличие ребенка-инвалида с детства; смерть мужа во время беременности женщины; расторжение брака во время беременности; многодетность (наличие троих и более детей); признание женщины или ее мужа безработными во время беременности женщины; наличие у женщины статуса беженца.

Признавая тот факт, что аборт на сроке между 12 и 22 неделями беременности представляет особую угрозу здоровью женщины, которая не может быть оправдана неблагоприятными материальными факторами (учитывая развитую систему социальной поддержки в Республике Беларусь), законодатель счел возможным сократить перечень социальных оснований до двух. При наличии медицинских показаний прерывание беременности проводится по согласию женщины независимо от срока беременности (согласие не требуется, если женщина признана в установленном порядке недееспособной или не способна по состоянию здоровья к принятию осознанного решения. В первом случае требуется письменное согласие опекуна беременной женщины, во втором – супруга (супруги) или одного из близких родственников (родителей, совершеннолетних детей, родных братьев (сестер), внуков, деда (бабки). В отношении несовершеннолетней беременной дополнительно требуется письменное согласие ее законного представителя.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности утвержден постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 года № 88 (далее – Перечень) и представляет собой перечень заболеваний и других медицинских показаний для искусственного прерывания беременности со стороны матери или плода [8]. В исключительных случаях при наличии медицинских показаний, не указанных в Перечне, при которых продолжение беременности и роды представляют угрозу для жизни женщины или могут причинить вред ее здоровью, вопрос об искусственном прерывании беременности по медицинским показаниям решает врачебно-консультационная комиссия организации здравоохранения. Проведение искусственного прерывания беременности с нарушением вышеуказанных правил должно квалифицироваться по статье 156 УК 1999 года как незаконное производство аборта.

Незаконное производство аборта – уникальный состав преступления. Это единственное криминализованное в уголовном законе деяние, имманентным признаком которого является согласие потерпевшей на поставление в опасность причинения вреда ее жизни или здоровью. При этом прямого указания на это в самой статье 156 УК 1999 года нет (производство аборта без согласия на то беременной женщины должно квалифицироваться как причинение тяжких телесных повреждений). Согласие на производство аборта должно быть предварительным и полученным до начала медицинского вмешательства, информированным, добровольным. Объем информации, который должен быть представлен беременной женщине перед производством аборта, для получения от нее согласия, основанного на достаточной информированности, законодательно не установлен. Очевидно, врач должен сообщить пациентке полную и достоверную информацию об исходном состоянии ее здоровья; о вариантах искусственного прерывания беременности; о планируемом методе производства прерывания беременности, его эффективности, прогнозируемых результатах, возможных рисках и осложнениях; о необходимости строгого выполнения назначений и рекомендаций, визитов к врачу. Согласие женщины на производство аборта будет добровольным только в том случае, если в процессе принятия решения на нее не оказывалось принуждающего влияния. Формы принуждения, оказываемого при принятии решения, могут быть различными. В соответствии с действующим уголовным законом лицо, принуждающее женщину к производству аборта,

может быть привлечено к уголовной ответственности только в случае, если принуждение сопряжено с угрозой применения насилия к ней или ее близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо с угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц (ст. 185 УК 1999 года).

Учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборта, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборта, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья».

Законодательная конструкция объективной стороны незаконного производства аборта позволяет считать составы преступлений, предусмотренные частями 1 и 2, формальными, а частью 3 – материальными. Дискуссионным с точки зрения теории уголовного права и судебной практики, является вопрос о моменте окончания незаконного производства аборта. Очевидно, разногласия возникают по причине описания действия в диспозиции статьи 156 УК 1999 года посредством отглагольного существительного «производство». Как отмечает Л.Л. Кругликов, «речь идет о процессе осуществления деяния, имеющем, следовательно, а) протяженность во времени, б) незавершенный или завершенный характер, в) а при завершенности – как успешным, так и безуспешным, неудачным» [9, с. 57]. Безусловно, определить момент окончания преступления в такой ситуации сложно.

Схожие по описанию противоправных действий составы преступлений полагаются оконченными: изнасилование, насильственные действия сексуального характера – с начала совершения полового акта, актов мужеложства, лесбиянства, иных действий сексуального характера [10]; изготовление поддельных денег или ценных бумаг – с момента изготовления хотя бы одного денежного знака или ценной бумаги, независимо от того, удалось ли осуществить их сбыт [11]; незаконная добыча рыбы или других водных животных и незаконная охота – с момента совершения действий, направленных на непосредственное завладение предметом охоты, рыбой или водными животными (это может выражаться в преследовании, установке капканов, сетей, приспособлении иных средств и орудий незаконной охоты, добычи рыбы или водных животных независимо от того, были ли фактически добыты предметы охоты, рыба или водные животные) [12]; посев или выращивание запрещенных к возделыванию растений или грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества – с момента посева независимо от последующего всхода либо произрастания растений или грибов [13]; дача взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве – с момента принятия должностным лицом материального вознаграждения [14].

Сказанное свидетельствует об отсутствии единообразного подхода при определении момента окончания преступления в ситуациях с деяниями, обозначенными существительными, образованными от глаголов несовершенного вида. В одних случаях момент юридического окончания деяний связывается с началом осуществления деятельности, в других – с ее физическим завершением, в иных – с успешным (хотя бы частично) итогом для виновного осуществленного поведения. Ряд авторов, отталкиваясь от семантического толкования термина «аборт», приходит к выводу, что оконченным данное преступление будет с момента удаления плода из утробы матери, т.е. необратимого прерывания беременности [15, с. 385–386; 16, с. 79]. Наиболее приемлемой при решении данного вопроса, видится позиция белорусских ученых И.С. Тишкевича и И.И. Горелика, по мнению которых данное преступление следует считать оконченным, когда совершены действия, причинившие вред здоровью беременной женщины или создавшие опасность для ее жизни либо здоровья, даже если беременность была сохранена [17, с. 127; 18, с. 160–161]. Такой подход представляется вполне обоснованным и необходимым, учитывая ценность и значимость объекта уголовно-правовой охраны по статье 156 УК 1999 года.

На основании ретроспективного формально-юридического анализа основных нормативных источников, действовавших на территории белорусского государства, установлено, что уголовно-правовой запрет на незаконное производство аборта не является новеллой для отечественного уголовного законодательства и прошел длительный путь становления и развития, претерпев за это время значительные изменения. В эпоху действия Статута Великого Княжества Литовского 1588 года, а позднее Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года производство аборта как токового признавалось преступным и строго наказуемым.

С принятием первых уголовных кодексов РСФСР и БССР исследуемое деяние получило более детальную регламентацию. При этом с течением времени изменялись как объективные и субъективные признаки состава преступления, так и сам подход к оценке незаконного аборта – от криминализации в УК 1922 года и УК БССР 1928 и 1960 годов до закрепления указанного состава преступления в процессе последующей кодификации в статье 156 УК 1999 года.

Анализ многократных трансформаций признаков незаконного производства аборта в белорусском уголовном законодательстве позволил сделать *вывод* о позитивных сдвигах в законодательной регламен-

тации уголовной ответственности за данное деяние, а также о необходимости дальнейшего совершенствования анализируемой правовой нормы и практики ее применения. Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что изменения, внесенные Законом № 241-3 и трансформировавшие подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности на основании субъекта преступления, противоречат принципу справедливости. Наиболее приемлемым и обоснованным представляется признавать незаконный аборт (по ч. 1 и ч. 2 ст. 156 УК 1999 г.) юридически оконченным с момента совершения виновным лицом действий, причинивших вред здоровью беременной женщины или создавших опасность для ее жизни либо здоровья, даже если беременность была сохранена.

Основываясь на опыте предшествующего правоприменения и учитывая высокую степень общественной опасности действий лица, принуждающего женщину к производству аборта, представляется целесообразным и обоснованным рассмотреть вопрос о возможности введения самостоятельного уголовно-правового запрета на принуждение женщины к производству аборта, признать в качестве объекта данного преступления жизнь и здоровье беременной женщины и разместить его в рамках главы 19 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса 1999 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право Беларуси: тематический банк данных правовой информации [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Вып. 2. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г., № 227-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Об утверждении и введении в действие Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» [Электронный ресурс]: постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 2 июня 2009 г., № 36: с изм. и доп. от 6 марта 2013 г. № 10 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Круглов, В.А. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / В.А. Круглов, Е.И. Климова. – Минск: Амалфея, 2015. – 1008 с.
6. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 245-ХІІ: в ред. от 20 июня 2008 г. № 363-З: с изм. и доп. от 16 июня 2014 г. № 164-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Об определении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 октября 2008 г., № 1580: с изм. и доп. от 11 янв. 2013 г. № 23 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 9 нояб. 2007 г. № 105 [Электронный ресурс]: постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 10 дек. 2014 г., № 88 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
9. Кругликов, Л.Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве / Л.Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2013. – № 7. – С. 53–60.
10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 27 сентября 2012 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. О судебной практике по делам об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25 сент. 1997 г., № 10: с изм. и доп. от 29 марта 2007 г. № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

12. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 18 дек. 2003 г., № 13: с изм. и доп. от 26 сент. 2013 г. № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
13. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1: с изм. и доп. от 27 марта 2014 г. № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
14. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6: с изм. и доп. от 24 сент. 2009 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
15. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – 2008. – Т. II: Преступления против личности. – 682 с.
16. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.П. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 943 с.
17. Уголовное право БССР. Часть особенная / под общ. ред. И.С. Тишкевича. – Минск: Выш. школа, 1978. – 384 с.
18. Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск: Выш. школа, 1973. – 320 с.

Поступила 23.05.2016

**RETROSPECTIVE FORMAL-LEGAL ANALYSIS
OF A CRIME UNDER ART. 156
OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

A. RUSAK

The article in the retrospective aspect of the formal-legal analysis of signs of crime, providing for liability for illegal abortion. It was established that the criminal law prohibition of illegal abortion is not a novelty for the domestic criminal legislation and passed a long way of formation and development, undergoing during this period significant changes. The study led to the conclusion that the changes made by the Law № 241-3 and transform the approach of the legislator to the criminal liability of differentiation based on the subject of crime, contrary to the principle of fairness. Based on the experience of previous law enforcement and considering the high degree of public danger of the person acts, forcing a woman to abortion, it is appropriate and justified to consider the possibility of introducing a separate criminal law prohibition on forcing a woman to abortion, recognized as the object of the crime life and health pregnant women, and post it in the framework of chapter 19 “Crimes against life and health”.

Keywords: a crime; pregnant woman; abortion; a person who has a degree in education profile “Health”; serious bodily injury; death.